

В морозный февральский день 1703 года Пётр I, следуя со своей свитой в Воронеж, сделал остановку в сельце Слободском, затерянном в российских просторах. Год назад царь подарил его своему любимцу Меншикову, и теперь здесь шли спешные работы по завершению небольшой «земляной фортеции» голландской системы с гостевым дворцом. Крепость, расположенная на холме при слиянии рек Становая Ряса и Ягодная Ряса, представляла собой пятиугольник с пятью бастионами и тремя воротами.

Под надзором Петра крепостные сооружения были окончены, и государь отправил Меншикову, находившемуся в Шлиссельбурге, сообщение: «Последние ворота Воронежские свершили с великой радостью». Пётр приложил собственноручный чертёж крепости и рассказал, как всей компанией «веселились довольно» в меншиковском дворце, празднуя это событие.

Голландский путешественник Корнелий де Бруин, сопровождавший Петра в Воронеж вместе с прусским и польским посланниками, а также голландскими и английскими купцами, отстал от царской свиты, заблудившись в незнакомой глухомани, и прибыл через день, застав веселье в самом разгаре. Царь удивлённо спросил, где он пропал. «Я отвечал, – пишет Корнелий, – там, где было угодно небу и моим возчикам, потому что я не знал ни языка, ни дороги. Ответ мой рассмешил царя». Пётр подал продрогшему бедолаге стакан вина, чтобы привести его в чувство. Но путешественник, увидев внушительную посудину, налитую до краёв, воспринял это как «наказание». Крепость освятили в лучших традициях «Всешутейшего и всепьянейшего собора». «Ианикий, митрополит Киевский и Галицкий» (боярин И. А. Мусин-Пушкин), «архидьякон Гедеон» (князь Г. Г. Ромо-дановский) и «протодьякон Питирим» (сам Пётр) повели всех вдоль стен и на каждом бастионе, после соответствующей церемонии освящения, угощали особым хмельным напитком: пивом, креплённым мёдом, «ренским вином» и т. д. Заздравные чаши сопровождала пальба из крепостных пушек. Затем все объехали на санях замёрзшее искусственное озеро, созданное перед крепостью. По возвращении в дом «опять пошли в ход стаканы». Трудно сказать, под воздействием ли крепких вин, или по аналогии с меншиковской резиденцией под Петербургом Ораниенбаумом это отдалённое, малолюдное местечко развеселившаяся компания торжественно нарекла Ораниенбургом – «Апельсинным городом». Сам Пётр не мог правильно воспроизвести мудрёное название, пометив отправленное Меншикову письмо: «Из Ранибурха». А местные жители и вовсе долго путались, именуя город то Анбурх, то Ранбур, то Ранбов, пока не утвердилось произношение Раненбург. Меншиков отвечал Петру: «Благодарствую вашей милости за наименование города и за то, что веселился в доме моём».

Александр Данилович и предположить тогда не мог, что в недалёком будущем этому городку суждено будет подвести роковую черту, которая

разграничит его жизнь на два периода, превратив его из «полудержавного властелина» в бесправного опальника. Юный император Пётр II, внук Петра I, поначалу, скрепя сердце, терпел властный опекунский диктат Меншикова, но наконец взбунтовался и указом 1727 года выслал своего наставника со всем семейством в Раненбург, повелев «с лишением чинов и знаков отличий жить там безвыездно под неусыпным надзором гвардейского офицера и капральства».

В сентябре из Петербурга двинулся пышный обоз из 33 карет, колымаг и колясок. Его сопровождали 133 человека прислуги. «Светлейший» вёз с собою даже певчих и двух «карлов» для домашних утех. Толпы народа сбегались смотреть на этот кортеж, увозивший в неведомую даль сподвижника Петра Великого, первого губернатора столицы, руководившего её строительством, и его дочь Марию, «порущенную» невесту Петра II. Меншиков из окна роскошной немецкой кареты с невозмутимым лицом важно кланялся народу. Некоторые даже полагали, что молодой «царёнок», показав свой нрав, вскоре смягчится и вернёт Данилыча, нуждаясь в его государственном опыте. Однако сам Меншиков так не думал, недаром уже в пути у него началось столь жестокое обострение давней лёгочной болезни, что сопровождавший его капитан Степан Пырский опасался, как бы доверенный ему поднадзорный не скончался. Ради больного то и дело приходилось останавливаться, и обоз чуть не два месяца тащился до Раненбурга.

Положение Меншикова в городке оказалось весьма двусмысленным: и хозяин, и невольник. Его многочисленные имения не были конфискованы и, устраивая удобную жизнь в крепости, Меншиков деловито рассылал распоряжения своим приказчикам и управляющим: то в Москву, чтобы пополнить винный погреб дорогими винами, то на Волгу – о закупке рыбы и икры. Он даже получил из московской домовой конторы крупную сумму денег и по-барски по случаю праздников одаривал стерегущих его солдат и офицеров. Ворота крепости Пырский самолично запирал вечером и отпирал утром. Но так как внутри не было церкви, то семье Меншикова дозволялось под охраной выезжать на молебны в городскую церквушку, где духовенство по-прежнему встречало их с глубоким почтением, Раненбургский управитель Меншикова хлопотал о подновлении и благоустройстве обветшавших хором, о наполнении разнообразной провизией кладовых. Семья привезла множество домашнего скарба, дорогой одежды, ювелирных изделий. Вся столовая посуда в доме была из серебра. Привыкший к щегольству, хозяин захватил с собой 50 кружевных и кисейных галстуков и 25 пышных париков. Но едва приноровившееся к новому положению семейство встретило новый 1728 год, как на него обрушилась новая беда. Из столицы прибыли должностные лица с предписанием тщательно пересмотреть все вещи, принадлежавшие ссыльным, конфисковать всё ценное и произвести строгое дознание о «преступлениях» Меншикова. А в апреле опальников, безжалостно обобранных и измученных допросами, повезли из Раненбурга в суровые сибирские края, в Берёзов.

Но покои дворца, заботливо обновлённые Меншиковым, пустовали недолго. В июле 1730 года в ворота крепости въехала новая вереница экипажей, окружённых конной стражей. И в комнаты, где всё ещё напоминало о прежнем владельце, ввели одного из тех, кто способствовал его падению. Узником Раненбурга по указу новой императрицы Анны Иоанновны стал князь Сергей Григорьевич Долгорукий с матерью, женой и детьми. Вот уж точно получилось по пословице: «Не рой яму другому, сам в неё попадёшь». Князь Сергей Григорьевич, блестящий дипломат, смолоду живший при европейских дворах в Париже, Лондоне, Вене, Варшаве, любил роскошь и удобства не менее своего предшественника. И вновь из крепости летели послания в Москву, где родня князя хлопотала об отправке в Раненбург необходимых вещей и провизии. Долгорукие провели в Раненбурге около пяти лет, обзавелись значительным хозяйством: по крепостному двору бродили выписанные ими голландские куры, важно переваливались, гортанно покрикивали китайские гуси. Князь даже разводил египетских голубей. Но в меншиковских покоях его подстерегла и меншиковская болезнь. Уже осенью 1830 года в Москву пришло известие, что у него обнаружился туберкулёз. Всполошившиеся родные посылали в Раненбург лекарства и даже сыскали врача, согласившегося ехать в крепость и жить при больном. Но врач сам разболелся, а князя лечил, как умел, крепостной княгини А. П. Гагариной, научившийся готовить травяные зелья и ставить пиявки. Однако не от грозного недуга пресеклась жизнь князя. Его некогда влиятельный тесть барон П. П. Шафиров задействовал все свои старые связи и сумел выхлопотать для Долгорукого сначала освобождение из-под стражи и разрешение жить в своей вотчине, а затем – назначение послом в Лондон. Князь был в Петербурге, готовясь к отъезду в Англию, когда вдруг возобновилось судебное расследование по делу Долгоруких. Вновь вспомнили, как после кончины Петра II они пытались возвести на престол его вторую невесту – Екатерину Долгорукую. Сергей Григорьевич был причастен к составлению подложного завещания, которое однако Долгорукие не решились пустить в ход. На беду Шафирова уже не было в живых, и князю неоткуда было ждать помощи. В 1839 году он был казнён вместе с другими участниками «долгоруковского заговора».

А на исходе зимы 1744 года тихую жизнь городка всколыхнуло появление нового зловещего обоза, исчезнувшего за стенами крепости. Если от слуг Меншикова и Долгорукого, выходивших в город для покупок, ремонта обуви, одежды и домашней утвари, местные обыватели узнавали о жизни их хозяев, то о новых обитателях меншиковского дворца оставалось лишь гадать. Продукты для них закупали суровые, неразговорчивые караульные. Окна дворца, выходившие в сторону городка, наглухо заделали. Даже городскую ярмарку закрыли, и жители по ярмарочным дням ездили теперь в соседнюю Лебедянь. Офицер, стерегущий арестантов, в своих донесениях называл их уклончиво – «известные персоны». А «персоны» действительно были весьма известные – недавно свергнутая императрица Анна Леопольдовна с супругом, брауншвейгским герцогом Антоном

Ульрихом и детьми. Один из них под именем «младенца Григория» содержался с нянькой отдельно от родителей, в другом крепостном здании, под усиленным караулом. И матери не дозволялось его видеть. Это был провозглашённый в 1740 году императором всероссийским Иван IV Антонович, страдая без материнского ухода, постоянно болея от дурного кормления, недостатка свежего воздуха и света, малыш и ведать не мог, что он-то и являлся самым опасным политическим узником, из-за которого поплатилось и всё брауншвейгское семейство.

Герцог Антон Ульрих, тихий, бесцветный муж Анны Леопольдовны, вызывал у стражи даже сочувствие. Надзиравший за арестантами офицер хлопотал о том, чтобы раздобыть ему шахматы и тем хоть немного скрасить тоскливые дни раненбургского заточения. В крепости царственные узники не прожили и года. Императрица Елизавета Петровна, неуверенно чувствовавшая себя на недавно отвоёванном престоле, распорядилась увезти семью подальше, в Холмогоры. А. Т. Болотов, побывавший в Раненбурге в конце XVIII века, от местных старожилов слышал, будто «внутренние покои самых тех комнат, в которых содержался герцог, исписаны были почти все карандашом». Однако здесь не знали иностранных языков, и сокровенные переживания и жалобы герцога так и остались никому не ведомыми. Карандаш со временем стёрся, да и сами крепостные здания частично были разобраны, частично перестроены.

Болотов рассказывал, что в 1760-е годы крепость пришла в совершенный упадок: земляные укрепления разрушились, каменные строения внутри стояли «развалившиеся и раскрытые», а примыкавший к крепости городок представлял собой «единую только кривую слободу из населённых мизерных дворишек и не столько походил на город, сколько на село или на хорошую деревню». Здесь была «одна только деревянная церковь». В 1778 году по указу Екатерины II, проводившей административно-территориальную реформу, Раненбург стал одним из уездных центров Рязанской губернии. Ему был присвоен герб с изображением двух перекрещенных ветвей яблони с плодами – на том основании, что этими «плодами сей город изобилует». На символику герба несомненно повлияло и то, что в XVIII веке через Раненбургский уезд по Астраханскому тракту курсировала «фруктовая почта», доставлявшая в специально приспособленных повозках фрукты, арбузы и дыни с низовой Волги для императорского стола. Правильнее же было бы поместить в гербе ветку гречихи, так как здесь она особенно удавалась. Раненбургская гречка высоко ценилась на ярмарках, ею да ещё хлебом и торговал городок. В новоиспечённом уездном центре проживало 213 семейств мелких торговцев, крестьян-однодворцев, ремесленников, разночинцев и др.

В конце XVIII века город, почти опустошённый очередным пожаром, начали отстраивать в соответствии с регулярной планировкой. Он приобрёл более стройный вид, появились каменные дома. От меншиковского времени остались лишь оплывший, едва заметный вал, луговина высохшего озера да два старинных здания, приспособленных под присутственные места. Однако

в городской казне собиралось в год всего 300-500 рублей, так что даже нечем было платить жалование чиновникам магистрата. Не на что было содержать и единственного учителя открытого уездного училища. Учитель Аннинский, которому полагалось 150 рублей годового жалования, порой по полугоду не получал ни копейки и слал слёзные мольбы городничему. Городничий требовал от думы немедленно выплатить ему деньги. Дума пыхтела и потела, читая грозное начальственное предписание. А потом выносила смиренное постановление: «Оное сообщение, записав в реестре, хранить с прочими, а о посылке оных денег... справясь, ежели... что в наличии окажется, то оное на удовольствие реченного Аннинского отослать к городничему...» Но, как правило, в казне в наличии ничего не находилось. И всё начиналось сначала. Только к 1818 году на месте городской деревянной церкви Архистратига Михаила был наконец отстроен каменный внушительный собор. В нижнем его ярусе остался престол, посвященный Михаилу, а на втором этаже появился новый во имя Троицы. Потому и собор стали называть Троицким. Потом возвели ещё две каменные церкви, начали возникать маленькие заводи: мыловаренные, паточные, табачные и т. д. По-прежнему главным подспорьем являлась продажа и переработка зерна, и в городе действовало 27 крупорушек. Расцвету Раненбурга способствовало то, что к концу XIX века через уезд прошли две железнодорожных линии, оживилась местная экономика, богатело купечество. В 1872 году открылся общественный банк с уставным капиталом в 10 тысяч рублей. Перед революцией здесь проживало уже более 5800 жителей, было несколько училищ (церковно-приходское и городские), больница, две аптеки, телеграф, появились даже фотографии и библиотека-читальня. Но так как в городе на 101 каменное строение приходилось 608 деревянных домов, то по-прежнему самым страшным бедствием являлись пожары, периодически сметавшие чуть не половину городка. Потому особое внимание уделялось пожарной части, где в полной готовности содержались три пожарных расчёта с шестью бочками. Местная дума в постановлениях 1883 года категорически запрещала горожанам «устраивать снаружи каменных домов деревянные пристройки», топить печи «в банях ветхих и устроенных по-чёрному во всё летнее время», а также «ходить с зажжённою лучиною или свечёю на чердаки, в конюшни, сараи, сенники, кладовые, погреба и другие домашние строения». Заодно поневоле проводилась кампания по борьбе с табакокурением, что тоже воспрещалось как вблизи деревянных построек, так и «внутри оных». Постановления ранен-бурских думцев колоритно рисуют быт и порядки городка:

– «Никто не должен сваливать на берега реки и ручья вещества, подверженные гниению и издающие зловоние... Равно воспрещается бросать в реку и ручьи разные нечистоты или проводить трубы из ретирадных мест».

– «Берега реки около города и места, затопляемые разливом, хотя бы и находились за городом, должны считаться запрещёнными для сваливания различных нечистот».

– «В местах для продажи съестных припасов и напитков... лица, занимающиеся этим промыслом, должны наблюдать чистоту и опрятность и

для того посуду, столы, лари и скамьи обязаны тщательно вымывать... Приготовленный для продажи хлеб должен быть всегда достаточно выпечен и приготавливаем из муки свежей».

– «Воспрещается портить штукатурку и окраску общественных зданий, делать где-либо неприличные надписи и изображения».

– «Запрещается... в публичных местах употреблять песни и речи, нарушающие благопристойность, бранные и поносительные слова, а тем более неблагопристойные поступки».

– «К занятию извозом не допускаются лица моложе 17 лет, не умеющие хорошо управлять лошадьми и нетрезвого поведения».

– «Вещи, забытые седоками, извозчики обязаны немедленно возвращать по принадлежности или представлять в полицию, пьяных седоков оберегать от ушибов и доставлять на место с вещами и деньгами в целости».

– «Нищенство и бродяжничество в городе строго воспрещается».

Город, наполненный преданиями о прошлом, не мог не повлиять на духовное формирование тех, кто в нём вырос. Инспектор, приехавший ревизовать местное уездное училище, неожиданно был поражён глубокими познаниями в истории одного из учеников – Дмитрия Иловайского, сына управляющего именем графини Пален. Родителей Дмитрия пригласили в училище и убедили отвезти мальчика в гимназию в губернский город Рязань.

Чтобы не обременять родных, не располагавших большими средствами, Дмитрий уже с 4-го класса содержал себя сам, занимаясь репетиторством. Окончив затем Московский университет, он стал видным учёным, публиковал статьи в крупных российских журналах: «Русском архиве», «Русской старине», «Русском вестнике» и др. С юношеских лет он любил странствовать по глубинным уголкам Рязанского края, утверждая, что «путешествие пешком по внутренней России может быть так же приятно», как увлекательная заграничная поездка. Этими странствиями, о которых он частично рассказал в очерках «Прогулка по берегам Оки», подсказан его труд «История Рязанского княжества». Составленный Иловайским учебник «Краткие очерки по русской истории» был весьма популярен в России и выдержал 44 издания. Поэтесса М. И. Цветаева в автобиографической прозе признавалась, что в юные годы интерес к истории пробудился у неё благодаря одной из работ Иловайского, случайно попавшейся ей на глаза. Иловайский был близок её семье, так как её отец И. В.

Цветаев женился первым браком на дочери Иловайского Варваре. После ранней кончины красавицы-жены Цветаев вступил во второй брак (от которого и родилась Марина), но всю жизнь сохранял близкие дружеские отношения со своим бывшим тестем.

В XX веке Раненбург переименовали в Чаплыгин и передали Липецкой области. Однако городок сумел сберечь свой самобытный исторический облик, напоминающий о прежних временах. В преддверии своего 310-го юбилея скромный «крестник Петра Великого» прихорашивается, подновляется, готовясь радушно встретить гостей и раскрыть перед ними свои улицы, словно страницы яркой и интересной исторической книги.